

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

ПОГРУЖЕНИЕ В ПРЕДМЕТ

3. ОСОЗНАНИЕ ПУТИ

- Держи...
- Взял.
- Еще.
- Взял.
- Так. Попробуй подцепить сбоку.

Упираюсь каской в скалу, тянусь вниз в узкую щель, откуда Толмачев пропихивает очередной камень. Пальцы в глине, скользят.

- Толкни чуть! Ногу подсуну.

Камень на коленях. Теперь его надо куда-нибудь пристроить, чтобы не съехал Володе на голову, не заткнул с таким трудом открытый проход. Свет налобного фонаря слабо отблескивает на влажных стенах. Батарейка садится. Интересно, сколько мы уже работаем?

Пещера эта как-то сразу нас притянула. Едва поднялись на пологий увал, и открылась цепь оскаленных каррами (*1) воронок – кольнуло: тут что-то есть!

* * *

Что может быть необычнее карстового (*2) района?

Как-то получается, что при слове "горы" перед глазами тут же вырастают заснеженные пики, альпийские луга в радуге цветов, черные свечки пихт в зоне леса, сумрачные ущелья, оглашаемые грохотом пенистых потоков. Мир альпинистов и путешественников, пастухов и гляциологов.

Человек издавна стремится к вершинам, пролистывая нижележащие пейзажи. Стремится, но нет-нет да и остановится в удивлении – что за "лунный" ландшафт? Будто невиданной силы бомбардировка исковеркала горное плато. Воронки – то крутые и скалистые, то пологие и поросшие травой, местами и среди лета забитые снегом – сливаются в хаос расколотой трещинами земли. Изъеденный, источенный, пробуравленный камень вокруг, белоснежные скалы с острыми гребнями, черные, дышащие холодом, провалы на дне воронок, в их бортах, просто на ровном месте. Сколько искателей подземных приключений, представив эту картину, ощутят сладостное посасывание под ложечкой, волшебный азарт удачи!

* * *

О, Боролдай был другим! Тут не найдешь карровых полей, подобных Крыму или Кавказу. Но воронки! Отвесные скальные перья их бортов завораживают изощренностью форм.

Пещера началась парой небольших уступчиков в гротик, где пугающе скалился побелевший от времени череп какого-то животного. Архар? Вчера мы с Саней вспугнули одного такого красавца со дна мощной карстовой воронки южнее "футбольного поля" – так называли обширную равнину в средней части плато. Невесомо взлетел зверюга на край скалы, глянул недовольно – гордый контур в небесной синеве – и канул за увал.

Колодчик девяти метров глубиной привел в грот. На камне банка с запиской: "Шахта Ленинская, 19 м."

Ого! Шахта! Не громко ли? Мало ли по свету пещерок такой глубины!

А тут что такое? Под плиту, перекрывающую пол грота, идет лаз. Если попытаться и вытащить вон те два обломка скалы, можно пройти.

Глыба пошла удивительно легко... только не вбок, куда мы с Валентином пытались ее сдвинуть, а вниз по наклонной плите. Грохот, полет, удар. Инстинктивно сжимаемся, спиной ощущая нависшую тяжесть скалы. Кажется, что все вокруг трясется.

- Слышал?
- Еще бы!

Колодец, в котором не был никто! Н И К Т О. Мы еще не видим его, мы только слышали его голос. Сорвавшись, глыба почти сразу грохнулась о дно, разлетевшись при этом на куски: маленький колодчик. Но в нем не был никто. Ни один из некогда живших и живущих сейчас. Тысячи, а может, миллионы лет в нем царила лишь тишина,

изредка рассекаемая крылом летучей мыши или нарушаемая звоном капли. Перед нами Незнательность – более реальная, чем когда-либо.

Даже в обыденной жизни незнательность окружает нас повсюду. Круг известного, открытого разуму, слишком мал. За его призрачной чертой, совсем рядом – незнательное. Чаще всего мы не ощущаем этого. Но прислушайтесь! Ну, вот, например, что это заняло под лопаткой – мышца перетруженная вчера под рюкзаком, простуда или что? (Пора бы пристроить куда-нибудь опостылевший на коленях камень!) Копни чуть глубже – незнательность. Обычно она незаметна, неощутима, бесплотна. Разум обтекает ее, стремясь по проторенным тропинкам.

Но только не здесь! Вот он – незнательный колодец – дышит мраком и холодом. Терра инкогнита. Мы стоим у тебя на краю.

* * *

Все возвращается на круги своя. Описав виток, спираль зависает над пройденным. Едва зародившись, человечество тут же заинтересовалось пещерами. Интерес был достаточно утилитарным, но хочется верить, что не только ярко выраженную пользу искали в пещерах первобытные спелеологи. Любопытство – нержавеющий двигатель познания, подталкивало вперед и наших предков. Что там – за поворотом?

Иногда за поворотом оказывался пещерный медведь. (Отчетливо представляю злорадную мину первобытного скептика: "Ага! Говорили тебе – не лезь!")

Пещеры замечательным образом сохраняют следы затерявшихся в глубинах истории веков. Лучшей иллюстрацией этому – замечательные открытия патриарха мировой спелеологии француза Норбера Кастере. Редко кому удавалось увидеть такое:

*"В "Зале Медведя" есть небольшое чашеобразное углубление в породе, повидимому, хранилище; порывшись в нем, я нашел множество отесанных камней. Можно было проследить шаг за шагом весь процесс: мадленцы (*3) выгребали глину пригоршнями, чертили сложные сетки и завитушки пальцами и затем зарывали или прятали кремни. Все эти мелкие работы, смысл которых в значительной степени нам непонятен, местами были уничтожены медведями, исцарапавшими пол и стены. В пещере Монтеспан мы во множестве обнаружили отпечатки лап медведей и голых человеческих ног.*

Иногда следы когтей покрывают отпечатки ног, иногда наоборот – человек и зверь боролись за обладание пещерой. Нельзя без содрогания думать о происходивших здесь ужасных битвах и не восторгаться мужеством наших предков, которые, вооруженные только дротиками и каменными топорами, проникали в подземную берлогу диких зверей.

*...Из всех следов, оставленных веками, пожалуй, наибольшее впечатление производят отпечатки рук и ног. Такие впечатления в одно мгновение вознаграждают за все трудности, весь риск и все бесчисленные разочарования того, кто стремится вырвать у ревнивого прошлого его тайны (*4)".*

* * *

Похоже, очередное разочарование подстерегает и нас. Незнательный шестиметровый колодец окончился небольшой комнаткой. Груда камней на полу. Завал. Обескураженно осматриваемся. Удивительные стены у этой шахты (*5). Они будто глазурованы шоколадной эмалью – коричневой кальцитовой корочкой. Такой же корой покрыты камни и глыбы на полу.

Достаю сигарету, закуриваю. Володя Толмачев, руководитель нашей экспедиции – первой казахстанской экспедиции на плато Боролдай-тау, внимательно следит за моими действиями, потом наклоняется:

– А ну погоди...

– Что там?

Дым и пар от дыхания облаком поднимаются вверх, быстро уходят в темноту над головой.

– Дует, видишь? На дым свой смотри!

О, этот ветер пещеры! Сколько проклятий принял ты в свой адрес на залитых водой подземных вертикалях! Падающий в бездну поток работает, как насос, тянет за собой воздух, распыляется в ледяной завихренный душ, выбивает зубовой стук у идущих по отвесам спелеологов. Но – кончился каскад, замерла, ушла в завал река, обступила со всех сторон ватная тишина тупиковой галереи – и те же зубы стиснуты

в ожидании, затаено дыхание, взгляд с мольбой устремлен на будто окаменевший огонек свечи: "Ну же! Колыхнись!"

Качнется, затрепещет язычок пламени, потянет по галерее дым сигареты – есть ветер! А значит есть где-то и продолжение пещеры. Пусть недоступное пока – там, за завалом, за едва приоткрытым сифоном (*6), за непроходимой пока щелью, но – есть!

– Дует!

Разгоряченные недавней работой, мы уже начинаем поеживаться. Пещерный ветерок быстро уносит тепло.

Без сомненья, под завалом на полу наша шахта продолжается!

* * *

Древние люди редко уходили далеко вглубь своих разветвленных пещерных жилищ. Отсутствие света и сложность подземных маршрутов затрудняли первобытные спелеоисследования так же, как затрудняют сейчас. Вертикальные же пещеры, состоящие из каскадов глубоких колодцев, по которым с шумом рушатся подземные водопады, стали доступны человеку совсем недавно, буквально в последние десятилетия.

Стоило потеплеть климату, и человечество поспешило из пещер наружу, надолго забросив свою колыбель. Более того – со временем человечество нарекает пещеры вместилищем всех мыслимых нечистых сил. Ад, Стикс, Аид – загробный грешный мир переносится в умах людей под землю.

Но пещерный мир необидчив. Он по-прежнему дает кров всем, кто не в ладах с законом, людьми, своим внешним или внутренним миром. Однако ни бандиты, ни монахи, ни другие искатели приключений, как правило, тоже не проникают в него глубоко.

Им бы и в голову не пришло взяться за то, чем вот уже несколько часов занимается наша двойка: метр за метром мы ввинчиваемся в подземный завал. К счастью, он еще не настолько сцементирован кальцитовым натеком (*7), чтобы нельзя было вынимать камни без помощи тяжелого инструмента или взрывчатки. Но и не слишком сыпуч, что было бы не менее неприятно. И так при взгляде на потолок начинает покалывать пальцы – на чем только держится эта куча камней над нашими головами!

Продвигаемся вниз вдоль коренной стены. Ее изгиб в плане наводит на мысль о значительных размерах этой, нынче перекрытой завалом, полости – диаметр ствола шахты достигал десяти, если не более, метров. Толмачев подает снизу очередной камень, и мы меняемся местами.

– Европа поднимется и скажет: "Ты хорошо роешь, Старый Крот!" – мурлычу я, пропихиваясь на его место в самом низу прорытого нами хода. Все настойчивее сосет в желудке. Дело, видимо, к обеду. Еще пару хороших камушков, и можно идти вверх.

Как бы не так! За сдвинутой вбок глыбой – квадратный лаз в натеке. Ну как не заглянуть? Вперед! Попутно развлекаемся тем, что даем названия пройденным ходам. Этот лаз, в отличие от предыдущего "Треугольника", так и будет теперь – "Квадрат".

"Квадрат" приводит в ход "Трех сталактитов" (вот они скалятся расческой на стене!).

Теперь боковая щель, комнатка, лаз вниз в "Грот рудокопов". Названия эти лягут на карту – карту шахты Ленинская карстового плато Боролдай хребта Каратау, юг Казахстана, Западный Тянь-Шань. Внушительно звучит для такой пока еще совсем небольшой пещеры. Ее глубину определит топографическая съемка. Завтра ее будут делать алмаатинцы Айгуль Мухаметжанова и Марат. Сегодня, пока мы роемся в этом завале, они вели поиск в соседнем сае-логу к северу от "Футбольного поля".

Ждут нас, небось, к обеду. А мы... На кого похожи мы – два чучела, до неузнаваемости вымазанные глиной? Сигаретным окурком – фонарь на исцарапанной каске. Свитер, мокрый от пота и воды – тоже в глине, невесть как забившейся под комбинезон.

Глина. Избави Бог назвать пещерную глину грязью! "Кто сказал, что пещера грязная?" – грозно кричит в таких случаях усть-каменогорец Валька Володин. – "Стража! Отрубить ему язык!"

* * *

Кто мы?

Туристы? Ученые? Путешественники? Чернорабочие? Отдыхающие?

Если принять во внимание, что экспедиция финансируется Казахским республиканским советом по туризму и экскурсиям – мы спелеотуристы.

По вечерам у кизячного (*8) очага наземного базового лагеря профессионал-гидрогеолог Толмачев так популярно излагает последние данные о геологическом прошлом этого района, что невольно закрадываются подозрения о некоей наукообразности нашего занятия.

Если учесть, что все члены нашей экспедиции проводят на плато свои отпуска, а по возвращении каждого ждет совсем другая работа – то, выходит, отдыхающие.

Забрались на высоту в добрых две тысячи метров над уровнем моря в безлюдный и безводный район – путешественники.

А посмотреть на нас сейчас – "Говорила мне мама – не ходи с ними!" – смеется в таких случаях Айгулька, – что-то не похоже на отдых – камни ворочать!

Мы лежим бок о бок под низкими сводами грота Рудокопов, жадно всматриваясь в щель над проклятым камнем. Не хочет выковыриваться, зараза! А из щели над ним явственно тянет холодом.

– Толмачев, – говорю я, с трудом переводя дыхание, – Ты никогда не задумывался, на кого мы с тобой сейчас похожи?

– По-моему, на идиотов, – глубокомысленно отзывается Толмачев, пытаюсь камнем сколоть выступ, мешающий продвижению. – Зубило бы сейчас!

Выступ неожиданно скалывается, камень вылетает из рук и рушится куда-то в темноту.

– Ну ...!

– Тихо!

Вот она – дробная музыка Удачи! Камень на мгновение канул в тишину, затем удар, клекот осколков, еще удар, звон, затихающий в неведомой глубине перестук. Все? Но мы ждем, затаив дыхание. Секунду, другую, третью... А вдруг? Вдруг сейчас, через эти шелестящие мгновения раздастся еще – пусть только один! – самый слабый и приглушенный, но удар. О невидимое дно неведомого колодца!

– Все, – тихо говорит Толмачев. – Брось еще что-нибудь.

И снова лежим в жидкой глине, вслушиваясь в голос Пещеры.

* * *

Кто же мы все-таки? Как назвать это странное занятие, что поглощает нас всецело без остатка?

Спелеология – от латинского "speleo" (греческого "spelaeion") – пещера. Наука о пещерах. Этот термин был введен в 1890 году французским исследователем Е.Ривера.

Звучит мощно, академически. В этом термине ощущаешь себя, будто в роскошном фраке с чужого плеча.

Еще выше и шире, где-то в заоблачной тишине кабинетов и распахе усеянных воронками полей – карстоведение. Это вообще не о нас. Спелеология лишь часть этой науки: более спортивная и раскованная, замешенная на некоем риске и приключениях.

Нет, до науки в ее полном звучании мы не вытягиваем.

Вот тут и подворачивается удобенький и будто разрешающий все сомнения термин – спелеотуризм. Хороший термин, если бы не несколько сомнительное звучание второй его половины.

Туризм – с французского "tourism" – прогулка, поездка (*9), за последнее время здорово расплылся от первоначального звучания.

Едешь с чемоданом по историческим местам – турист.

Бегаешь по магазинам Будапешта, рынкам Варшавы или Стамбула – тоже турист, правда, "коммерческий".

Попиваешь чаек под тентом своей машины после удачного семейного уикенда на природе – опять же турист.

"О, гляди, туристы пошли!" – ворчит местное население вслед иной студенческой компании с палатками и гитарами.

Альпинисты снисходительно поглядывают на парней в альпийской экипировке, идущих по чрезперевальным маршрутам – туристы, хоть и горные.

Ну а тут – спелео. Туристы. То ли идешь с открытым ртом по бетонным дорожкам Кунгура или Нового Афона (*10), то ли умираешь под трехпудовым (*11) рюкзаком в челночной заброске где-нибудь на Кырк-Тау (*12) – турист! А какая разница?

Есть разница. На Кырк-Тау ты уже не просто турист – ты турист самостоятельный! (*13) До того солидно звучит – просто слов нет. –Очень мне нравится этот русский вариант словообразования при помощи "само" (самолет, самовар, самостоятельный: вроде как все само собой без наших усилий получается, само'!).

Жмет нам "спелеотуризм", как переростка – старенький костюмчик.

Так может быть, – спортсмены? Спелеоспорт, а? Солиднее, вроде. Есть тут, однако, одна заковыка. Спорт и соревнования неразделимы. Но соревнования на маршрутах в недрах земли? Что ж, в СССР пробовали и это. Несколько лет проводились заочные чемпионаты по спелеотуризму республиканских и всесоюзных уровней. Но что может быть нелепее этих соревнований? (Так же как, впрочем, и аналогичных чемпионатов в альпинизме, рафтинге, других видах активного туризма?) Разные группы идут по различным маршрутам в самых разных географических регионах, без судей и зрителей, затем пишут и присылают в судейскую коллегию отчеты, в которых очень трудно отличить правду от художественного свиста. Чемпионаты эти за глаза так и называли – конкурсы отчетов. Судьи читают отчеты и раздают медали. Можно ли говорить об объективности этих "соревнований"?

Были и другие соревнования. Дзинага (Северный Кавказ), Гумиста (Абхазия), Яремча (Карпаты), Бахчисарай (Крым), Свердловск (Урал) – теперь уже легендарные места. В 80-е годы здесь проводились слеты самостоятельных туристов СССР. Эти соревнования превратились во всесоюзные форумы советских любителей пещер. Слетались друзья от Владивостока до Кишинева. Воспоминания, планы будущих экспедиций, песни под гитару. И конечно, очные соревнования на скалах между командами городов. Здесь, на этих вертикальных трассах разыгрывались настоящие сражения на скорость и правильность выполнения технических приемов, проведения имитаций спасательных работ, топографической съемки, подземного ориентирования (*14).

И уже появились любители именно этого – увлекательных, динамичных, пересыщенных техникой, сконцентрированной сложностью зрелищных трасс на залитых солнцем скалах. Азарт взаимоборства, хитросплетения тактических вариантов. Так же, много ранее, из альпинизма вычленилось спортивное скалолазание, завоевавшее международное признание.

Но это уже не пещеры. Это нечто совсем другое, самоценное.

Значит, если и спорт, то не вполне...

Трудно разобраться. Особенно лежа в холодных камнях над неизвестной щелью пока еще недоступного колодца.

Каждый ищет в пещерах свое. Но квинтэссенция всего – вот это: ПЕРВОПРОХОЖДЕНИЕ. Извечное стремление человека за обступающий горизонт неизвестного. Открытие. Приключение. Пусть маленькое, но свое! За которое заплачено сполна потом и болью.

Открытие Природы с тобой наедине. Здесь до тебя не был НИКТО. Вот твой шаг, твой след на Земле – он осязаем. Он – первый. После тебя тут, может быть, кто-нибудь пройдет. До тебя – не был никто. Но после – кто-нибудь обязательно пройдет! Пройдет и оценит, и переживет по-своему. Иначе – нет смысла.

Иначе нет ничего.

* * *

Когда б Господь воображенье
Имел беднее иль скромней –
То здешних холода камней
Нам не изведать, к сожаленью.
Здесь нет погоды, непогоды,
Нет преходящей суеты,
И камня хрупкого цветы
Растут не месяцы, а годы.

И сапоги – грубее грубых,
Грохочут мимо в тишине.
Поэты? Мистики? Спортсмены?
Ползем по плачущей стене.
И суть не в том, что мы достигли.
И соль не в том, что вот – прошли.
Мы – на сто метров ближе к сердцу
Своей невысохшей Земли (*15).

* * *

В наших жилах – рудимент первопроходчества. Не на бумаге в сплетениях формул, не в стерильной чистоте лабораторий – первопроходчества в исконном смысле этого слова, в географическом. Глубины Земли более скрыты от человека, чем глубины океана. Приборы бессильны: здесь может пройти только сам человек.

Зарубежные коллеги, не мудрствуя, назвали свое занятие КЕЙВИНГ – от английского "cave" – пещера, а себя – кейверами (caver). Примерим. Что ж, похоже. Наша практика знает много таких примеров. Ведь и дедушка-футбол терминологически англичанин. И даже сам Его Величество Спорт в названии явно иностранец. К счастью, прошли времена, когда нам приходилось бояться всего иностранного, как чумы.

Итак, кейвинг. Непривычно, но суть верно. Пещеру надо найти, спуститься в нее, добыть первичную информацию. Здесь работа поисковика и разведчика, первопроходца и первоисследователя. Затем приходит черед спелеологов, изучающих, в истинном значении этого слова, пещеру. Больше информации – получают пищу для научных обобщений карстоведы. Ну, и спелеотуристы тут как тут: кто побойчее – поглазеть на только что открытую, кто поспортивнее – установить в ней какой-нибудь рекорд, а кто и попозже – с удовольствием прогуляться с экскурсоводом по оборудованным дорожкам под свет прожекторов и тихую музыку. Любое занятие по-своему прекрасно и заслуживает уважения. Если не валить все в кучу и не оценивать одних с точки зрения других. А приключений хватит на всех, каждому по характеру.

Кто это сказал: "Главное в жизни – правильно расставить акценты"?

* * *

В том, далеком уже, 1979 году, мы не прошли Ленинскую дальше. Узко. Пришлось вернуться с глубины –45 метров. Но в наших душах пели фанфары. О! Это был рекорд плато Боролдай-тау и глубочайшая из известных в то время пещер Казахстана!

Возвращались с раскопок завала обедать, а вышли – в ночь! Время под землей летит удивительно. Час – как минута! Звезды, ослепительно яркие после мрака пещеры, мерцали, покачивались над "футбольным полем". Надо было торопиться, потому что на востоке, в двух часах ходьбы по увалам плато, в наземном базовом лагере экспедиции на ручье Богомола ждал, уже, конечно, встревоженный нашей задержкой, джамбулец Саша Литовка.

– Скорей, скорей! – торопил нас его земляк Анатолий Иванович Иванов, заядлый охотник. – Пока вас ждал, кеклика подстрелил. Суп варить будем.

Луна незаметно выбралась из-за увала, высветила воронки, и карры забелели в фантастических тенях.

Так что же такое кейвинг – может быть, это поэзия?

***1 КАРРЫ** – следы растворения и выветривания известняков (других растворимых горных пород) в виде бороздок, лунок, острых перьев и гребней на их поверхности.

***2 КАРСТ** – явление растворения горных пород водой. Происходит от названия классического плато Крас в Югославии, сочетающем в себе большинство форм специфического рельефа местности, возникающего при разрушении известняков (других карстующихся горных пород) карстовыми процессами.

***3 МАДЛЕНЦЫ** – первобытные жители мадленской эпохи (около 15–8 тыс. лет до н.э.).

***4 Н. Кастере** "Десять лет под землей", Государственное издательство географической литературы, Москва, 1956 г. стр.142.

***5 ШАХТА** – "Карстовые колодцы и естественные шахты представляют собой открытые с поверхности вертикальные полости. По Г.А.Максимовичу (1963) к колодцам относятся полости глубиной от 10 до 20 метров. Однако полости глубиной менее 10 метров, у которых входное отверстие (устье) меньше глубины, тоже можно считать колодцами. Полости глубже 20 м называют естественными шахтами. Глубина их достигает нескольких десятков и даже сотен метров." Н.А.Гвоздецкий "Карстовые ландшафты" Издательство МГУ, Москва, 1979, стр.70.

Можно не соглашаться с такой классификацией известных советских карстоведов, но дело сделано, и термин "шахта" прочно вошел в спелеологический лексикон. С точки зрения более современных технических описаний подземных маршрутов "Шахтой следует называть пещеру вертикального типа, протяженность которой достаточно велика и соизмерима с ее глубиной. При этом пещера должна иметь несколько морфологических разновидностей препятствий. Классическими шахтами являются пещеры ТЕП на хребте Алек, Западный Кавказ и Киевская на плато Кырк-Тау, Зеравшанский хребет, Средняя Азия. Если же пещера представляет собой, к примеру, единственный колодец, даже значительной величины, и не осложнена другими морфологическими препятствиями, то ее не следует называть шахтой."

К.Б.Серафимов, В.Д.Резван "Проведение учебных занятий по тактико-техническому описанию спелеотуристских маршрутов" ЦРИБ "Турист", Москва, 1990 год, стр. 11.

И с этим тоже, конечно, можно не соглашаться.

***6 СИФОН** – полностью до потолка затопленный пещерный ход; открытый, вскрытый, полуоткрытый сифон – имеющий прослойку воздуха. Такой сифон допускает передвижение по нему без ныряния. В зависимости от времени года и количества осадков на поверхности земли сифоны могут переходить из одного состояния в другое, открываться и закрываться.

***7 КАЛЬЦИТОВЫЙ НАТЕК** – просачиваясь сквозь трещины и щели карстующихся, растворимых водой, горных пород, вода атмосферных осадков, в том числе талая снеговая, обладая первоначальной способностью растворять скалу, через некоторое время насыщается кальциевыми, магниевыми и другими солями. Стоит теперь измениться температурному режиму или другим внешним условиям, и соли эти начинают выпадать в осадок, образуя все те формы, которые так украшают пещеры, придавая им неповторимую красоту: сталактиты, растущие навстречу им с пола сталагмиты, возникающие при их срастании сталагнаты-колонны, натеchnые коры, гребешки и флаги, другие диковины пещерного убранства, завораживающие взгляд чистотой цвета и причудливостью форм.

***8 КИЗЯК** – сухой помет коров и овец. На безлесных высокогорных карстовых плато Средней Азии кизяк часто является единственным доступным топливом для костра. В сленговом значении – означает "плохо". Костер из кизяка – это кизяк, признаюсь.

***9 Словарь иностранных слов**, Москва "Русский язык", 1986.

***10** Наиболее знаменитые пещерные туристско-экскурсионные комплексы Урала: Кунгурский, и Абхазии: Новоафонский.

***11 ПУД** – мера веса равная 16 килограммам.

***12 ЧЕЛНОЧНАЯ ЗАБРОСКА** – при отсутствии возможности использовать вертолет по финансовым или иным причинам весь многотонный экспедиционный груз приходится поднимать (забрасывать – отсюда "заброска") на высокогорные плато в рюкзаках, когда каждый член экспедиции неоднократно преодолевает маршрут вверх-вниз, таская снаряжение и продукты челноками. Эта тактика достижения места базового лагеря весьма похожа на гималайскую тактику горовосхождений с той лишь разницей, что с окончанием заброски в кейвинге штурм только начинается. КЫРК-ТАУ – высокогорное плато Зеравшанского хребта под Самаркандом, где находится пропасть Киевская, до 1989 года бывшая глубочайшей пещерой Средней Азии: – 1000 м (официальная цифра глубины –990 м).

***13 САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ТУРИЗМ** – так официально назывались все виды активных путешествий в СССР: пешеходный, горный, водный, авто-мото, вело, лыжный, спелеотуризм. Самодеятельные путешествия организовывались самими их участниками, в отличие от так называемого "планового" туризма, опиравшегося на туристские базы, куда под опеку штатных гидов-инструкторов, купив путевку, мог попасть любой желающий.

***14 ПОДЗЕМНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ** – соревнования по подземному ориентированию не проводились на всесоюзных слетах в упомянутых в тексте местах из-за отсутствия необходимых природных условий. Меккой спелеоориентировщиков была Украина, где для этих целей идеально подходят многокилометровые лабиринты гипсовых пещер, таких как Оптимистическая и других.

***15 Е.А.Тычина** "Всем пещерам" Самиздат, Усть-Каменогорск, 1988.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com